

С точки зрения уголовного права указанный вывод безупречен, но говорить о восстановлении социальной справедливости в данных условиях вряд ли возможно. Данная цель вполне обоснованно критикуется многими российскими учеными, поскольку она фактически недостижима только лишь средствами уголовно-правового принуждения. «Восстановление» предполагает возврат к первоначальному состоянию, т. е. до момента совершения преступления. Кроме того, говорить о «восстановлении» после отбытия осужденным назначенного наказания с экономической точки зрения просто абсурдно: содержание осужденного, равно как и деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы финансируются из федерального бюджета страны, а точнее – за счет средств налогоплательщиков, в том числе и самого потерпевшего. Поэтому виновный своим пребыванием в учреждениях уголовно-исполнительной системы не только не компенсирует причиненный преступлением имущественный ущерб, а, напротив, увеличивает его.

В то же время нельзя упрекнуть российского законодателя за попытку учесть права и законные интересы потерпевшего, заключающуюся в обозначении восстановления социальной справедливости как приоритетной цели уголовного наказания. Когда у виновного имеются денежные средства или имущество, достаточные для компенсации причиненного преступлением вреда, вопрос о производстве соответствующих выплат решается или в добровольном порядке, или в результате деятельности службы судебных приставов. Однако как быть в случаях, когда у осужденного нет необходимой для удовлетворения заявленной потерпевшим суммы денежных средств?

Универсальное решение данной проблемы может быть получено только путем создания условий, при которых осужденному обеспечивается реальная возможность осуществления профессиональной деятельности в процессе отбывания уголовного наказания. Действующее российское уголовно-исполнительное законодательство предусматривает безальтернативную обязанность осужденных осуществлять трудовую деятельность и обязанности администрации исправительных учреждений обеспечивать привлечение осужденных к трудовой деятельности. Но ввиду различных причин возможность обеспечения трудоустройства осужденных присутствует далеко не во всех современных учреждениях исполнения наказаний.

Современная пенитенциарная идеология не рассматривает труд в качестве основного средства исправления осужденного, отдав предпочтение психолого-воспитательному исправительному процессу. Это нашло свое отражение во многих аспектах деятельности уголовно-исполнительной системы, в том числе и смене названия учреждений исполнения наказания с «исправительно-трудовых» на «исправительные». Многие производства, функционирующие при учреждениях исполнения наказания, за последние 10–15 лет были сокращены либо ликвидированы. Не подвергая сомнению значимость воспитательной деятельности с осужденными, следует отметить, что обязательность трудовой деятельности также имеет неоспоримые преимущества: самофинансирование исправительного учреждения; накопление денежных средств, которые будут необходимы осужденному по отбытии им срока уголовного наказания; наличие постоянного источника удовлетворения имущественных требований потерпевших от совершения преступления; поддержание на должном уровне или повышение профессиональной квалификации осужденного как специалиста в той или иной области трудовой деятельности и др.

В этой связи обеспечение трудовой занятости осужденных в процессе отбывания ими уголовного наказания весьма позитивно отразится как на их собственном материальном благополучии, так и на обеспечении эффективности достижения заявленных уголовным законодательством РФ целей наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и недопущение совершения новых преступлений. Поэтому уголовное наказание, на наш взгляд, в обязательном порядке должно предполагать трудовую деятельность осужденного, осуществляемую на профессиональной основе. Отказ от данной идеи может повлечь за собой нарушение прав и законных интересов потерпевших в части материального возмещения причиненного им вреда, а также увеличение объемов финансирования на содержание уголовно-исполнительной системы. Кроме того, утрата осужденным профессиональных навыков трудовой деятельности будет способствовать совершению им новых преступлений после освобождения из мест заключения.

УДК 343

Н.А. Легенченко

КОРРУПЦИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: НЕКОТОРЫЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Коррупция наносит значительный ущерб учебным заведениям во всем мире – к такому выводу пришли авторы доклада ЮНЕСКО. Очевидно, что масштабы распространения коррупции в сфере образования приобрели угрожающие размеры. Не стала исключением и система подготовки кадров в нашей стране. Среди вузов, где отмечены коррупционные преступления, Белорусский государственный технологический университет, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, Барановичский государственный университет и Белорусский государственный экономический университет.

Анализ коррупционных преступлений в сфере образования показал их рост по сравнению с предыдущим периодом. Так, в 2009 г. зарегистрировано 100 коррупционных преступлений, в 2008 г. – 29, а в 2010 г. отмечено уже 399 коррупционных преступлений, причем 308 из них – взяточничество. Основная опасность коррупции в области образования заключается в профанации главной цели образовательного процесса – получения обучающимися знаний, навыков и умений, необходимых им в дальнейшей профессиональной деятельности. В условиях коррупцированных схем обучение сводится к процессу купли-продажи оценок.

Главным документом, на основе которого организуется антикоррупционная деятельность, является закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», принятый 20 июля 2006 г. Законом определен ряд ограничений и специальных требований для государственных должностных лиц, закреплены полномочия и права в сфере борьбы с коррупцией специальных подразделений органов прокуратуры, внутренних дел и государственной безопасности.

Требования Президента Республики Беларусь, определившие в качестве основной задачи преодоление опасных тенденций развития криминогенной обстановки, ставят на повестку дня необходимость изменения подходов к изучению проблемы предупреждения преступности в целом и коррупции в сфере образования в частности. В рамках реализации Концепции национальной безопасности, утвержденной указом Президента Республики Беларусь, Министерством внутренних дел Республики Беларусь обозначен конкретный перечень важнейших задач на ближайшую перспективу. Прежде всего, по мнению министра МВД Республики Беларусь генерал-лейтенанта милиции А.Н. Кулешова, необходимо искоренять причины и условия, способствующие совершению противоправных деяний, совершенствуя для этого аналитическую составляющую управленческого воздействия на складывающуюся сегодня ситуацию. «Инерция в нашем деле – самое страшное, – подчеркнул А.Н. Кулешов. – Чтобы быть наверху, надо и думать, и действовать быстрее, чем преступный мир. Сегодня ценятся не количественные характеристики, а возможности эффективно противостоять криминалу, реально защитить права граждан. Необходима четко налаженная, профессионально организованная профилактика – самое гуманное средство поддержания правопорядка».

Об этом же свидетельствует и необходимость разработки эффективно работающих методик раннего обнаружения и предотвращения коррупции в сфере образования. Как отмечают В.Н. Конышев и А.Л. Сергунин в работе «Система индикаторов вузовской коррупции», в настоящее время возможно формирование системы индикаторов, позволяющей производить мониторинг коррупциогенных факторов на разных

стадиях развития данного явления. Первая из выделенных авторами по уровням вузовской коррупции – «низовая» коррупция в сфере образования. Следует отметить, что «низовая» коррупция весьма опасна, так как она создает благоприятный фон для существования иных уровней и форм коррупции, а также формирует «коррупционный менталитет» у реальных и потенциальных участников коррупционных взаимоотношений. Для объективного замера уровня «низовой» коррупции и одновременно демократизации системы мер противодействия исследователи выделяют некоторые индикаторы, например, наличие или отсутствие мер защиты преподавателей от взяточдателей; наличие или отсутствие системы мер по внутреннему расследованию фактов коррупции и принятию управленческих решений на уровне университетов; наличие или отсутствие практики оповещения о фактах коррупции и доведения до студентов и преподавателей сведений о законодательных и иных процедурных мерах защиты от коррупции; показатель участия представителей студенчества в работе ученых советов вузов по вопросам контроля качества образования; показатель морально-этических качеств преподавателей; степень терпимости к проявлениям коррупции среди обучающихся и др. Одновременно В.Н. Конышев и А.Л. Сергунин выделяют «верхушечную» коррупцию, состоящую в нежелании или неумении высшего эшелона вузовской системы принимать решения в рамках открытых демократических процедур. Отсутствие демократической культуры, желание лишний раз продемонстрировать свою власть, ограниченность финансовых и материальных ресурсов, стремление использовать служебное положение в целях личного обогащения или для дальнейшего карьерного роста – вот основные мотивы, которые, по мнению исследователей, руководят высокопоставленными коррупционерами. Вводимый средний уровень коррупции указывает на коррупционное взаимодействие между профессорско-преподавательским составом и руководством вуза. Такая форма коррупции, считают специалисты, имеет место в процессе обучения. Известны такие приемы, как, например, вымогательство педагогами взятки у обучающихся во время сессии или навязывание им платных консультаций. Нередко имеет место принуждение преподавателями к приобретению обучающимися книг и учебно-методических пособий. К сожалению, с коррупцией на среднем уровне бороться чрезвычайно сложно, пока не будет разработан эффективный механизм контроля.

В то же время система противодействия коррупции в сфере образования представляет собой неотъемлемую часть общей системы социального управления и предполагает осуществление комплекса экономических, организационно-производственных, технических, правовых, воспитательных мер, направленных на коррекцию личности и нейтрализацию или снижение действия обстоятельств, обуславливающих совершение коррупционных преступлений в рассматриваемой сфере.

В Республике Беларусь сформирована система мер противодействия коррупции, в том числе и в сфере образования, которая включает в себя: разработку и принятие антикоррупционной нормативной правовой базы и определение механизма ее выполнения; разграничение между государственными органами их функций, зон ответственности и организацию взаимодействия по противодействию коррупции; создание и обеспечение деятельности специальных подразделений по борьбе с коррупцией; образование на различных уровнях комиссий, координационных советов и совещаний по борьбе с преступностью и коррупцией; специальных информационно-аналитических центров; обеспечение научного сопровождения деятельности государственных органов по борьбе с коррупцией; использование государственных СМИ, активное вовлечение граждан, общественных организаций и трудовых коллективов в деятельность по противодействию коррупции.

Среди мер противодействия коррупции, в том числе и в сфере образования, наиболее эффективными являются: работа с обращениями граждан, деятельность телефонов горячей линии, телефонов доверия, телефонов обратной связи, встречи руководителей с трудовыми коллективами.

Важное место в работе по противодействию коррупции, созданию в обществе, особенно среди молодежи, атмосферы нетерпимости к правонарушениям, правовому нигилизму, формированию у граждан правовой культуры отводится СМИ, где размещаются материалы по вопросам укрепления законности, правопорядка, в том числе и по предупреждению коррупции. Информация о наиболее значимых правонарушениях своевременно и всесторонне доводится до общественности. Указанный перечень мер противодействия коррупции в сфере образования не является исчерпывающим. Предупреждение коррупции, в том числе и в сфере образования, сегодня становится не очередной кампанией, а переходит в разряд важнейших государственных задач.

УДК 343. 211

Л.В. Лобанова

СООТВЕТСТВУЕТ ЛИ ПРИНЦИПУ ГУМАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕИ ГУМАНИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА?

Реализация идеи так называемой общей типовой санкции, наиболее характерной для преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлений, в России является уже свершившимся фактом. Федеральным законом РФ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», вступившим в силу 11 марта 2011 г., из санкций более чем за 60 преступлений исключено указание на нижний предел наказания в виде лишения свободы, тогда как их верхние пределы остались неизменными. Обращенные к депутатам Государственной Думы призывы ученых внести серьезные поправки в принимаемый ими законопроект, исключив из него «урезание» нижних пределов санкций хотя бы за тяжкие и особо тяжкие преступления, не были услышаны правотворцами.

Об этом приходится только сожалеть. Причем дело не только в коррупциогенности некоторых санкций, верхний предел которых в 90 раз превышает минимум наказания (например ч. 4 ст. 111 УК РФ). Важно и то, что рассматриваемая новелла российского уголовного законодательства вряд ли соответствует генеральной линии на гуманизацию Уголовного кодекса РФ. Ведь последнюю невозможно представить себе без всестороннего осуществления принципа гуманизма.

Даже текстуальное выражение названного принципа (ст. 7 УК РФ) не позволяет ограничивать его содержание только милосердным отношением к преступнику. Упомянутое принципиальное положение уголовного законодательства ясно характеризует его социальную роль – быть гарантом безопасности человека. При этом источник угрозы не называется, думается, не случайно. Уголовное законодательство демократического государства должно обеспечивать защиту человека не только от преступных и иных общественно опасных посягательств, но и от самосуда со стороны членов общества, а также от произвола государственных органов. С точки зрения гуманистических идеалов уголовное законодательство есть средство самоограничения власти, действующей в правовом поле, в сфере уголовной репрессии. Подобное самоограничение важно для защиты прав и законных интересов как лица, совершившего преступление, так и потерпевшего, а равно общества в целом. По нашему мнению, законодатель Республики Беларусь еще более четко зафиксировал эту функцию своего Уголовного кодекса, формулируя принцип гуманизма. Сразу за положением о том, что Уголовный кодекс служит обеспечению физической, психической, материальной, экологической и иной безопасности человека, в последней части ст. 3 данного нормативного акта расположено следующее предписание: лицу, совершившему преступление, должны быть назначены наказание или иная мера уголовной ответственности, необходимые и достаточные для его исправления.

Таким образом, идея «общей типовой санкции», хотя и увязывается с гуманизацией уголовного законодательства, на самом деле ничего общего с таковой не имеет. Ее внедрение в действующий Уголовный кодекс РФ препятствует последнему быть средством самоограничения власти, в частности щитом от судейского произвола. Пока такой произвол не приобрел катастрофических масштабов, ошибку необходимо исправить.